

На следующее утро Е Чжэнь облачился в парадное чиновничье одеяние и в экипаже Поместья Е отправился к дворцовым воротам.

Сегодня его ждало важное дело. На утренней аудиенции он во всеуслышание представил государю тетрадь с записями, а вместе с ней — все собранные за последнее время улики, официальные донесения и показания свидетелей.

Это были неопровержимые доказательства бесчинств и взяточничества губернатора провинции Цзинъань. Против фактов не попрешь; император пришел в ярость и тут же повелел Управе столичного префекта Цзинчжао безотлагательно взять взяточника под стражу и препроводить в застенки Верховного суда. Конфискация имущества и суровый приговор теперь были лишь вопросом времени.

Среди чиновников поднялся глухой ропот. Сановникам оставалось лишь втайне трепетать перед решительностью и непреклонностью Е Чжэня, который не давал пощады никому. Ведь этот губернатор провинции Цзинъань, хоть и не занимал самого высокого поста, имел весьма разветвленные и влиятельные родственные связи — если разобраться, он приходился дальним родственником главной супруге великого князя Юя, Ли Иня. А великий князь Юй, правитель земель Цзинъань, приходился нынешнему императору родным братом, а принцам — дядей. Он слыл отважным и искушенным в битвах полководцем, и его положение при дворе было непоколебимо. Мало кто осмелился бы дергать тигра за усы, но молодой глава Внутреннего кабинета господин Е пошел на это без малейших колебаний.

Громкое дело о казнокрадстве омрачило настроение государя, и атмосфера на совете стала еще более гнетущей. Под конец аудиенции император ни с того ни с сего заговорил о недавних сочинениях наследного принца. Его Высочеству Ли Цзэханю едва исполнилось двадцать лет, однако держался он солидно, да и в делах проявлял похвальное благоразумие. Вот только его слог в каллиграфии и сочинениях оставлял желать лучшего. А ведь он — хозяин Восточного дворца и будущий правитель Поднебесной, на которого устремлены сотни требовательных глаз. Накануне один из императорских цензоров и вовсе подал жалобу, в которой весьма завуалированно, но колко обвинил принца в заурядности — мол, тот не способен ни облегчить заботы государя, ни подать пример младшим братьям. В Восточном дворце эти мягкие по форме слова восприняли как отравленный клинок.

Не получив от наследника достойного ответа, император распалился еще сильнее. Сдерживая гнев при сановниках, он сразу после собрания вызвал сына в личные покои, где устроил ему суровую головомойку, затянувшуюся больше чем на полчаса.

Поскольку сегодня Е Чжэню предстояло читать лекции принцам, он задержался во дворце. Направляясь к выходу, у галереи он нос к носу столкнулся с Ли Цзэханем.

— Приветствую Ваше Высочество наследного принца, — Е Чжэнь почтительно поклонился.

Наследник только-только покинул внутренний зал. На нем не было лица. Он искренне уважал Е Чжэня, а потому поспешил ответить на приветствие:

— Рад встрече, господин Е.

Е Чжэнь мгновенно подметил его подавленный вид и смятый свиток рисовой бумаги в плотно сжатых пальцах. Следом за принцем послушно семенили двое слуг: один нес стопку книг, другой — письменный прибор. Все стало ясно без лишних слов.

Принц тяжело вздохнул, не скрывая горечи:

— Стыдно признаться, господин Е, но мои новые трактаты блеклы и посредственны. Я вновь не оправдал надежд отца-императора.

— Ваше Высочество — законный преемник престола, — мягко и размеренно возразил Е Чжэнь. — Вполне естественно, что Его Величество предъявляет к вам самые строгие требования.

Ли Цзэхань лишь грустно улыбнулся — подобные утешения он слышал уже не раз. Вспомнив, что сегодня пятнадцатый день лунного месяца и ему надлежит навестить матушку-супругу во дворце Вэйян, принц вежливо распрощался и поспешил прочь. Слуги, поклонившись Е Чжэню, последовали за своим господином.

Е Чжэнь вернулся в Поместье Е в своем экипаже. В доме царила непривычная, почти сонная тишина: ни слуг в коридорах, ни горничных во дворах. Заподозрив неладное, он подозвал управляющего.

— Что случилось? Почему так пусто?

— Господин Глава кабинета, вы просто еще не знаете, — с улыбкой пояснил тот. — Второй молодой господин упражняется с мечом в заднем саду. Все домашние сбежались посмотреть на это диво.

Е Чжэнь прошел в Восточный двор, сменил тяжелое чиновничье платье на просторный домашний халат цвета бледной луны и направился через альпийскую горку к заднему саду.

Его взору предстала яркая картина: посреди лужайки стоял Шуанчэн, окруженный толпой притихших слуг. Юноша был на редкость хорош собой. Легкое одеяние ледяного синего оттенка выгодно подчеркивало его стройную фигуру, из-под полы виднелся подол нижнего платья цвета неба после дождя, расшитый тонкими узорами. На поясе покачивались нефритовая подвеска и расшитый мешочек с благовониями, а лоб украшала шелковая лента в тон наряду. Весь его облик дышал юношеским задором и безудержной энергией.

Шуанчэн загорелся желанием обучиться воинскому искусству, а Чжоу Цинцай с готовностью вызвался стать его наставником. Е Чжэнь не стал этому препятствовать.

Чжоу Цинцай прибыл в столицу лишь ради того, чтобы передать Е Чжэню бумаги на

коррупцированного губернатора. Справившись с поручением, он изнывал от безделья, и появление столь ревностного ученика пришлось как нельзя кстати. Ему эта затея была только в радость.

Из уважения к давней дружбе старый управляющий отвел гостю просторные покои неподалеку от Восточного двора и приставил к нему расторопных слуганок.

Впрочем, самого Чжоу Цинца бытовые удобства мало заботили — он с головой ушел в тренировки своего подопечного.

Шуанчэн оказался на редкость сметливым. В обычной жизни капризный и изнеженный, на тренировках он проявлял поразительное упорство: стойко переносил усталость, не жаловался на боль и впитывал каждое наставление. Даже Чжоу Цинца не скупился на похвалу, твердя, что у парня редкостное сложение и истинный природный дар.

Е Чжэнь, впрочем, не торопился разделять эти восторги. Он молча наблюдал за братом. На лбу Шуанчэна выступили мелкие капли пота, щеки покраснелись, а в глазах читался живой, упрямый огонек. Глядя на него, Е Чжэнь невольно улыбнулся.

Заметив приближение хозяина, слуги поспешно поклонились и бесшумно разошлись по своим делам.

Шуанчэн взял у Чжоу Цинца полотенце, утер лицо и, заметив брата, радостно подбежал к нему. Схватив Е Чжэня за рукав, он захлеб затараторил:

— Брат, брат, послушай! Брат Цинца говорит, что я невероятно умен! Сказал, что я схватываю все движения на лету, и что у меня редчайший талант к боевым искусствам!

Е Чжэнь тихо рассмеялся. Забрав у него полотенце, он сам бережно промокнул влажный лоб брата.

— Старший брат силен в науках, а младший, выходит, рожден для великих битв. Какое завидное сочетание, — слышался ленивый голос Чжоу Цинца. Тот вальяжно развалился на кушетке и неторопливо попивал чай.

Шуанчэн озадаченно обернулся:

— О чем ты? Разве мой брат не умеет драться?

— Не умеет, — отрезал Чжоу Цинца, сделав очередной глоток.

Шуанчэн так и просиял от гордости — наконец-то нашлось хоть что-то, в чем он превзошел

старшего брата! Впрочем, показывать свое торжество слишком открыто он не решился и лишь задорно улыбнулся:

— Ну и пускай! Брат не владеет мечом, зато теперь у него есть я. Если кто-то посмеет его обидеть, я верну долг в десятикратном размере!

Чжоу Цинцай лишь хмыкнул и с легкой завистью посмотрел сначала на младшего, а затем на старшего брата.

Помня о взбалмошном нраве Шуанчэна, Е Чжэнь счел нужным предостеречь его:

— Я не против твоих тренировок. И не жду, что ты станешь великим полководцем, прославишь наше имя в веках или отправишься бродяжничать по свету с мечом за спиной. Требую лишь одного: никогда не используй силу во вред другим.

Чжоу Цинцай, решив поддержать авторитет наставника, согласно кивнул:

— Верно говорит. Если ты посмеешь натворить дел и запятнаешь себя бесчестьем, я самолично лишу тебя боевых искусств. И не вздумай потом жаловаться, Шуанчэн.

Е Чжэнь лишь спокойно улыбнулся в ответ.

Однако Шуанчэну эти нотации пришлись не по душе.

«Пусть я и не самый прилежный ученик, но я все же из рода Е! Брат лично занимался моим воспитанием, неужели я могу вырасти подлецом и творить зло?»

С досадой вернув меч на стойку, он отошел в сторону и уселся на скамью, насупившись.

Е Чжэнь без тени смущения присел рядом с ним. Шуанчэн демонстративно отвернулся, не желая смотреть на брата.

Е Чжэнь мягко заглянул ему в лицо:

— Неужели и впрямь обиделся?

В его голосе сквозило столько нежности и скрытой теплоты, что Шуанчэн невольно покраснел, однако упрямо буркнул:

— Ничего я не обиделся. С чего бы вдруг?

Видя это детское упрямство, Е Чжэнь и Чжоу Цинцай дружно рассмеялись. Встретившись взглядами, они подняли чаши, салютуя друг другу.

<http://bllate.org/book/18190/1749956>